
Лёля Соболева
По следам карандашных заметок. Петербург

Ольга Соболева

По следам карандашных заметок. Петербург

«Автор»
2026

Соболева О.

По следам карандашных заметок. Петербург / О. Соболева — «Автор», 2026

После того как дети выросли и разъехались, жизнь Галины стала тихой и размеренной: удаленная работа, прогулки по Петербургу, любимый кот и редкие поездки по старым городам.Все меняется в тот день, когда в букинистическом магазине ей попадается потрепанная книга с карандашными заметками на полях. Сначала это кажется обычным читательским хулиганством. Но чем дальше Галина читает, тем больше понимает: неизвестный владелец книги знал об обитателях старых сказок и легенд гораздо больше, чем должен был знать любой исследователь.А потом в её квартире появляется домовиха.Вслед за ней приходят странные просьбы, забытые истории и загадки, которым не место в современном мире. И похоже, все они связаны с таинственным автором карандашных заметок, исчезнувшим больше века назад.И вот тогда старая книга оказывается приглашением открыть дверь в мир, который все это время существовал рядом с нами.

© Соболева О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 23
Глава 7 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ольга Соболева
По следам карандашных заметок. Петербург

Глава 1.

Дело не в дороге, которую мы
выбираем; — то, что внутри нас,
заставляет нас выбирать дорогу.
О.Генри

Пролог.

Если кто-нибудь когда-нибудь найдет эту книгу, прошу об одном: не выбрасывайте её.
Некоторые дороги заканчиваются раньше, чем путешественник успевает до них дойти.
А некоторые продолжаются даже после того, как исчезает тот, кто их описывал.
Запись на полях старой книги.

***

За окном шумел ветер. Он то затихал, то снова принимался раскачивать тёмные верхушки елей, окружавших маленькую избушку. Пламя свечи дрожало от каждого сквозняка и отбрасывало на стены длинные тени.

Мужчина сидел за столом, склонившись над раскрытой книгой.

Рядом лежали листы бумаги, пузырёк с чернилами и несколько карандашей разной длины. Он писал быстро, будто боялся не успеть закончить мысль. Перо скрипело по бумаге. Иногда он останавливался, перечитывал написанное и делал короткие пометки на полях книги.

Снаружи что-то тихо стукнуло. Мужчина поднял голову. Стук повторился. На этот раз в окно. Он замер на несколько секунд, прислушиваясь. Потом неожиданно улыбнулся. Так улыбаются только когда вспоминают старых друзей.

Отложив перо, он поднялся из-за стола и подошёл к окну. Что именно он увидел за стеклом, разглядеть было невозможно.

— Наконец-то, — тихо сказал он.

Несколько мгновений он смотрел в темноту, а потом торопливо накинул на плечи тёплое пальто.

Свеча продолжала гореть на столе. Книга осталась раскрытой. Мужчина снял с вешалки шапку, ещё раз взглянул на свои записи и быстро вышел за дверь.

Послышались шаги по деревянному крыльцу. Потом всё стихло. Лишь ветер по-прежнему шумел среди деревьев.

На столе догорала свеча. А раскрытая книга ждала своего читателя.

Глава 1.

Суббота выдалась на редкость удачной. После нескольких дней дождей Петербург словно решил вспомнить, что осень бывает не только серой. Между облаков проглядывало солнце, мокрый асфальт блестел, а рябины вдоль дорог алели тяжёлыми гроздьями ягод.

Галина припарковала свой тёмно-зелёный «Пежо» на стоянке возле книжной ярмарки имени Крупской и несколько секунд просто сидела за рулём.

Спешить было некуда. Рабочие письма остались дома. Заказы могли подождать до понедельника. Кот был накормлен и, скорее всего, уже занял её любимое кресло. Жизнь наконец позволила себе небольшой выходной.

Подхватив сумку, Галина направилась к входу в книжную ярмарку. Внутри было привычно тепло и немного шумно. Люди переходили от прилавка к прилавку, рассматривали книги, спорили о ценах, делились находками. Кто-то искал учебники. Другие охотился за старыми пластинками. Кто-то уже тащил целую стопку фантастики.

Галина любила это место именно за поисковый азарт. Если нужна конкретная книга, её давно проще заказать через интернет. Но интернет никогда не подарит того чувства, когда среди сотен чужих книг вдруг находишь свою.

Она неторопливо прошла вдоль нескольких рядов, просмотрела пару краеведческих изданий, полистала старый путеводитель по Ленинграду и уже собиралась идти дальше, когда взгляд зацепился за знакомый зеленый корешок.

На нижней полке стоял альбом репродукций Александра Иванова. Галина осторожно вытянула книгу из плотного ряда. Уголки были немного потерты, суперобложка давно исчезла, но сам альбом сохранился прекрасно.

— Ну здравствуй, — пробормотала она.

Книга приятно легла в руки. Она раскрыла её почти наугад. На развороте оказалась картина «Аполлон, Гиацинт и Кипарис». Галина улыбнулась, перевернула страницу. На следующем развороте был «Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора», потом ещё одна картина. Старые репродукции обладали странным очарованием. Они никогда не могли полностью передать оригинал, но каким-то образом сохраняли настроение картины. Она настолько увлеклась, что сначала даже не обратила внимания на разговор рядом.

— Добрый день. А книги на реализацию принимаете?

Голос был молодой.

Букинист поднял голову от стола.

— Смотря какие.

— Да я сам не знаю, какие.

Послышался смешок.

— Нам квартира от деда досталась. Сейчас разбираем потихоньку.

— Сочувствую, — понимающе кивнул продавец.

— Да нет, квартира хорошая. Просто вещей там столько, будто несколько поколений ничего не выбрасывали.

Галина перевернула страницу. Перед ней появилась картина «Иосиф, толкующий сны заключенным с ним в темнице».

— И что принесли?

— Книгу какую-то старую.

Вот тут она невольно прислушалась к разговору.

— Нашли случайно.

— Где?

— В диване.

Галина подняла глаза от альбома с репродукциями.

— В смысле в диване?

— Вот и я удивился. Мы его выносить собрались. Старый совсем. Подняли, а откуда-то изнутри книга вывалилась. Не из ящика. Откуда-то между спинкой и боковиной.

Молодой человек положил на прилавок свёрток.

Букинист развернул пакет. Темная тканевая обложка выцвела почти до серого. На корешке едва прочиталось название, а уголки были стерты так, будто книгу не раз брали с собой в дорогу. Ничего особенного. Таких книг в букинистических отделах стояли сотни.

— Название есть?

— Есть вроде.

Парень раскрыл титульный лист. Прищурился.

— Сейчас…

Несколько секунд он разбирал старую печать.

— «Записки проезжего».

— Хм, — протянул букинист.

Галина сама не заметила, как перестала листать альбом. Ее внимание привлекло не название, и даже не книга, а скорее сама история. Сколько лет она пролежала в старом диване? Десять? Двадцать? Полвека? Странно было представить, что вещь может столько времени пролежать буквально под боком у людей и никому не попасться на глаза.

Тем временем букинист договорился с молодым человеком о цене, записал его телефон и убрал бумаги в папку. Судя по довольному виду, условия того вполне устроили. Попрощавшись, парень подхватил куртку и быстро растворился в толпе посетителей.

Букинист остался один. Он еще раз повертел книгу в руках, открыл титульный лист, пролистал несколько страниц и уже собирался отложить находку в стопку таких же ожидающих своей очереди книг, когда услышал:

— Можно посмотреть?

Сам вопрос прозвучал для Галины неожиданно, словно его задал кто-то другой.

Продавец протянул ей книгу.

— Интересуетесь?

— Пока не знаю, — улыбнулась Галина. — Просто любопытно стало.

Галина раскрыла книгу. Старый титульный лист, пожелтевшая бумага, дореформенная орфография. Ничего необычного. Она перелистнула несколько страниц. На одном из листов сохранился маленький набросок, изображающий птицу или что-то очень на нее похожее.

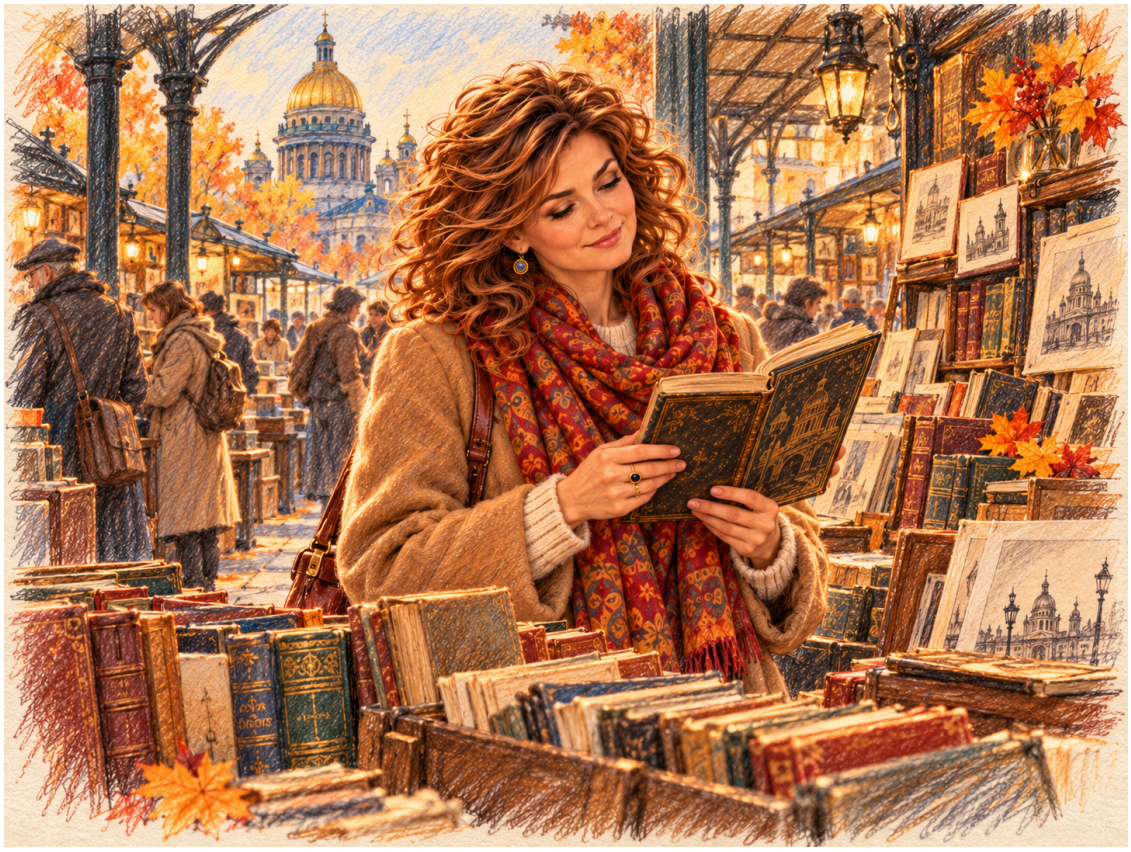
— Кто-то книгу основательно изучал, — заметила Галина.

— Для букинистов это скорее плюс, чем минус, — ответил продавец. — Если записи старые, конечно.

Она листнула дальше. На полях появились карандашные пометки: короткие, сделанные уверенной рукой. Где-то автор соглашался с прочитанным, где-то спорил, а иногда ограничивался всего одним словом или вопросительным знаком.

Галина невольно задержалась на одной из записей. Почерк был живым. Не каллиграфическим, не нарочито красивым — таким, каким пишут люди, забывшие о собственном почерке, потому что мысль оказалась важнее аккуратности.

Она попыталась разобрать следующую строчку. На какое-то мгновение ей показалось, что буквы словно утратили четкость. Совсем рядом послышался едва различимый шорох грифеля по шероховатому листу. Почудился едва ощутимый запах нагретого воска и смолистой древесины.



Резкий звук телефонного уведомления заставил её вздрогнуть. Галина моргнула. Перед ней снова лежала старая книга. Тихо шумела книжная ярмарка. Кто-то рядом спрашивал цену учебников.Галина несколько секунд молча смотрела на раскрытую страницу.

— Странно… — едва слышно сказала она самой себе.

Она ещё раз перечитала заметку. Зачем-то долистала книгу до заднего форзаца. В самом конце обнаружилось несколько чистых страниц. Видимо, владелец собирался что-то записывать, но так и не собрался. Запах старой бумаги вдруг показался удивительно знакомым. Не просто книжным. Что-то ещё, словно похожий запах уже встречался ей когда-то давно. В детстве? У дедушки? В библиотеке? Галина попыталась понять, что именно напоминает ей этот запах, но воспоминание всё время ускользало, словно пряталось за полуоткрытой дверью.

Она посмотрела на альбом Иванова, который всё ещё держала под мышкой. Потом снова на книгу.

— Сколько за неё хотите?

Букинист назвал цену.

Галина кивнула.

— Тогда её тоже возьму.

Букинист аккуратно завернул обе покупки в кальку и передал Галине. Покупки были сделаны, и можно было уже идти домой, как вдруг продавец протянул ей милую закладку с имитацией под бересту.

— Это Вам подарок, как первому покупателю за сегодняшнее утро.

Галина улыбнулась, поблагодарила продавца и вышла из магазинчика. Покупки в пакете приятно оттягивали руку, будто тоже радуясь что едут в новый дом. На обратном пути движение оказалось на удивление спокойным. Машины неторопливо тянулись вдоль набережной, солнце то появлялось из-за облаков, то снова исчезало.

На одном из светофоров Галина поймала себя на мысли, что давно не выбиралась в Крупу просто так. Без списка, без конкретной цели. Просто побродить между книжными рядами. И, похоже, сегодняшний набег на книжный получился удачным. Она улыбнулась и бросила взгляд на пакет. Хороший альбом Иванова сам по себе уже оправдывал поездку. А странная книга из старого дивана оказалась приятным дополнением. В конце концов, если не понравится, её всегда можно будет поставить на полку.

До дома она добралась ближе к полудню. Во дворе сталинки было тихо. Несколько машин стояли вдоль бордюра, на детской площадке возились малыши под присмотром бабушек, а возле подъезда кто-то аккуратно сгребал в кучу опавшие листья.

Поднимаясь по знакомой лестнице, Галина привычно придержала пакет обеими руками. Книги были тяжелее, чем казалось. Не успела она открыть дверь, как из квартиры донеслось требовательное:

— Мр-р-яу!

— Уже иду, — отозвалась она.

Кот встретил её в прихожей.

Большой, пушистый и крайне недовольный тем, что хозяйка отсутствовала слишком долго. Сначала он потерся о ноги. Потом сунул морду к пакету и внимательно его обнюхал. После чего, словно придя к какому-то собственному выводу, направился на кухню. — требовать ужин.

Галина только покачала головой.

— Вот и вся благодарность.

Она сняла пальто и прошла в комнату. Поставила покупки на стол, и поспешила на кухню, откуда настойчиво раздавалось недовольное мяуканье ее любимца.

Альбом Иванова остался лежать на краю стола. Рядом с ним устроились «Записки проезжего». Пока что это были просто две книги, купленные в удачный выходной день. За окном медленно сгущались осенние сумерки.

Глава 2

На следующий день город снова затянуло тучами. Галина проснулась от тихого стука дождевых капель по оконному стеклу и мысленно порадовалась, что вчера всё-таки выбралась в «Крупу». Сегодня никуда не нужно было спешить. Дома было тепло и уютно. За окном моросил дождь, в комнате горел мягкий свет. Можно было спокойно заниматься своими делами, читать или наконец как следует рассмотреть вчерашние покупки. Кот, заметив, что хозяйка проснулась, тут же поднял хвост трубой и направился на кухню занимать свой любимый табурет .

Галина чем-то гремела на кухне, вполголоса разговаривая со своим любимцем.

— Марс, ну и куда ты опять убежал? Сам же выпрашивал вкусняшки, а теперь и след простыл.

Ответом ей стала тишина.

Не дождавшись возвращения кота, Галина поставила на поднос нехитрый завтрак: обязательную чашку кофе с молоком и ещё тёплую булочку, которую совсем недавно вынула из духовки. Подхватив поднос, она вернулась в комнату.

На столе её ждали вчерашние покупки. Альбом репродукций и старый томик с карандашными заметками на полях, купленный почти случайно.

***

Интересно, куда я попал на этот раз? И надолго ли? Признаться, я рад уже тому, что меня не оставили пылиться среди сотен других книг в букинистической лавке. Конечно, книжная лавка — место вполне достойное. Но когда годами стоишь плечом к плечу с незнакомцами, начинаешь понимать, что такое настоящий книжный барак.

Нет, дома всё-таки лучше. Интересно, кто она, моя новая хозяйка? Голос у неё приятный. Пока я знаю о ней совсем немного. Рядом со мной лежит альбом репродукций Иванова. А несколько минут назад мимо прошёл огромный сибирский кот. Признаться, такого сочетания я не ожидал. Пожалуй, новая хозяйка не так проста, как показалось сначала.

Удивительное соседство. Альбом репродукций Иванова и сибирский кот. Признаться, я ожидал чего-нибудь одного. Но никак не обоих сразу.

***

Позавтракав, Галина уютно устроилась в кресле, по привычке поджав под себя одну ногу. Марс тут же решил, что хозяйка приняла такую позу исключительно ради его удобства. Одним прыжком он оказался у неё на коленях и принялся утаптываться с самым серьёзным видом.

— Марс, я тебя когда-нибудь на диету посажу, — вздохнула Галина. — Ты с каждым месяцем становишься всё тяжелее и тяжелее.

Кот в ответ только боднул головой ее руку и окончательно растянулся на коленях, показывая, что вопрос уже давно решен и обсуждению не подлежит.

Галина машинально погладила его густую шерсть и потянулась за альбомом репродукций, лежавшим рядом на столике.

Старые репродукции всегда казались ей особенными. Бумага за десятилетия успевала слегка пожелтеть, краски казались мягче. И наверное именно поэтому они будто сохраняли дыхание своего времени.

Она неторопливо листала страницы альбома, ненадолго задерживаясь то у одной, то у другой картины. Взгляд остановился на «Явлении Христа народу» и Галина невольно вспомнила, что когда-то читала , что художник работал над этой картиной почти двадцать лет.

Двадцать лет...Она ещё раз посмотрела на репродукцию и едва заметно улыбнулась. Наверное, по-настоящему важные вещи просто не умеют торопиться.

— Всё-таки удачная покупка.

Марс лениво приоткрыл один глаз, убедился, что хозяйка разговаривает сама с собой, и снова задремал.

Закрыв альбом, Галина ещё некоторое время сидела неподвижно, грея ладони о чашку с кофе. Потом её взгляд упал на старую книгу, лежавшую на столике рядом. Ту самую, купленную вчера почти случайно. Она открыла её примерно на середине.

Теперь её интересовал уже не сам томик, а человек, который когда-то оставил на его полях десятки коротких карандашных заметок. Некоторые были совсем короткими. Другие — длиннее. Иногда неизвестный читатель соглашался с автором, иногда спорил, а порой ограничивался всего одним вопросительным знаком.

Галина поймала себя на мысли, что начинает читать уже не книгу, а именно эти записи. Казалось, между двумя давно ушедшими людьми до сих пор продолжается разговор. Она перевернула еще несколько страниц. На самом краю одной из них взгляд неожиданно зацепился за маленькое бурое пятнышко. Совсем крошечное, будто когда-то очень давно на бумагу попала одна-единственная капля.

Галина осторожно провела по пятнышку пальцем. Оно давно въелось в бумагу.

— Интересно...Откуда ты здесь взялось? — задумчиво сказала она.

Марс даже ухом не повёл.

Она улыбнулась и снова опустила взгляд на страницу.

— Ну да, тебе, конечно, всё равно.

Отвечать он, разумеется, и не собирался. Зато решил, что лежать на хозяйкиных коленях ему больше неинтересно. Кот тяжело поднялся, сладко потянулся и одним прыжком соскочил на пол.

— Ай!

Острый коготь вскользь полоснул Галину по пальцу.

— Ну вот... — она машинально поднесла руку к глазам.

Царапина оказалась совсем небольшой. На коже выступила крошечная капля крови. Галина уже протянула руку к упаковке влажных салфеток, но книга на коленях неожиданно съехала набок. Она поспешно придержала её рукой. В этот момент капля сорвалась с пальца и упала прямо на старое бурое пятнышко.

— Вот ведь...

Она быстро промокнула страницу уголком салфетки.

Странно...Кровь исчезла почти сразу. Не растеклась по бумаге, как должна была, а впиталась в бумагу и не оставила после себя свежего бурого пятна. Будто её никогда и не было. Галина нахмурилась. Осторожно провела пальцем по странице, бумага была совершенно сухой. Она ещё раз посмотрела на салфетку. На книге действительно ничего не осталось.

— Какая странная бумага...

Пожав плечами, она снова перевела взгляд на карандашную запись. Тишину квартиры нарушало только мерное тиканье часов да негромкий шум дождя за окном.

Прошло несколько секунд.

И вдруг...Марс замер. на месте. Не у двери, не у окна, а посреди комнаты. Он медленно повернул голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего Галина не слышала. Шерсть на его загривке едва заметно приподнялась.

— Марс?..

Кот не шелохнулся. Ещё мгновение он напряженно всматривался куда-то за кошачий домик. А потом...

Через комнату огромными прыжками с совершенно ошалелым видом пронеслась восьмикилограммовая пушистая тушка, которую на поворотах беспощадно заносило на паркете. Кот с неожиданным проворством гнался за кем-то маленьким, юрким и ярким. Он то и дело пытался накрыть добычу сразу двумя передними лапами, но всякий раз промахивался.

Табурет. Кресло. Стол. Снова табурет. Погоня стремительно пронеслась через всю комнату. Не вписавшись в очередной поворот, Марс проехал по паркету, ошалело сел на пятую точку, тряхнул головой и тут же снова бросился вперед. Его добыча в последний момент юркнула в узкую щель между кошачьим домиком и стеной.

Наступила тишина. Из-за домика торчал только краешек какой-то яркой ткани. Галина несколько секунд молча смотрела на странную картину. Потом осторожно подошла ближе и наклонилась. Теперь стало видно: из-за домика выглядывали ноги в полосатых чулках, а чуть выше — край пестрой юбки.

— Господи... — тихо сказала Галина. — Это что ещё такое?

Тишина.

— Вы живы?

Тишина.

— Я вообще-то вас вижу.

После долгой паузы из-за домика донеслось:

— А вот и нет.

— Что "нет"?

— Не видите.

— У вас юбка видна.

Снова наступила тишина.

Потом очень тихо прозвучало:

— Это не юбка.

— А что?

— Лоскутик.

Глава 3

Несколько секунд никто не произносил ни слова. Марс сидел перед кошачьим домиком, подергивая кончиком хвоста. Время от времени он осторожно поднимал лапу, словно прикидывая, нельзя ли всё-таки дотянуться до странного существа.

Галина перевела взгляд с кота на полосатые чулки, потом обратно. Затем потихоньку опустилась на корточки, чтобы оказаться вровень с той, кто затаился за домиком.

— Может... всё-таки вылезете?

Из-за домика донеслось приглушенное:

— Там кот.

— Это мой кот. Он не кусается.

— Это тебя не кусает. Ты большая.

После короткой паузы из-за домика обиженно донеслось:

— А меня запросто. Он же меня ловил.

Марс словно понял, что разговор идет о нем. Поднял лапу и осторожно потянулся к щели.

Из-за домика испуганно пискнули:

— Во-о-от! Опять лапы свои тянет! Ухх!

Галина вздохнула:

– Потерпите немного. Сейчас я его выманю на кухню , и вы сможете выйти.

Она аккуратно встала,стараясь не напугать ту,что затаилась и попыталась увести кота с собой на кухню.

— Марс, иди ко мне.

Ноль реакции.

— Марс., Марсик, Кс-кс-ск Марсик - мясо!

Кот даже ухом не повел, продолжая гипнотизировать домик. Галина осторожно протянула руку к книжному стеллажу и нащупала лежавшую на краю инфракрасную указку. Она давно лежала здесь. Иногда, когда Марсу становилось скучно, они устраивали вечернюю охоту на красную точку.

Только бы батарейка не села Она нажала кнопку. На паркете вспыхнула крошечная красная точка.

Марс замер. Перевёл взгляд с домика на точку. Потом снова на сине-зелёный лоскут, выглядывавший из-за домика. Точка на полу дрожала, двигалась и дразнила пушистого охотника. Выбор оказался недолгим. Марс прыгнул за ускользающей точкой, решив, по всей видимости, что добыча за домиком уже никуда не денется. А вот эта красная нахалка вполне могла сбежать. И словно подтверждая его опасения, точка от указки передвинулась еще, потом еще немного. Кот упорно пытался поймать ее лапами.

Медленно отступая, Галина уводила красную точку всё дальше от комнаты. Марс, окончательно забыв о своей первой добыче, неотступно следовал за ней. Когда наконец-то кот оказался в коридоре, Галина потихоньку закрыла дверь в комнату и пошла на кухню, за наградой для своего любимца.

Оставив его наслаждаться любимыми лакомствами, Галина вернулась обратно в комнату. Там было тихо. Из-за домика по-прежнему никто не показывался. Она осторожно прикрыла за собой дверь и ещё несколько секунд стояла у двери.

— Всё. Он занят.

Тишина.

— Правда.

Ещё несколько секунд ничего не происходило. Потом из-за домика осторожно выглянуло маленькое личико. Незнакомка быстро огляделась по сторонам и тут же снова спряталась.

— Честное слово, он ушёл.

На этот раз она выглянула уже смелее. Несколько секунд настороженно прислушивалась, потом наконец выбралась из своего укрытия.

Это оказалась маленькая женщина ростом едва ли Галине до колена. На ней была простая льняная рубашка, пёстрая юбка, сшитая из десятков разноцветных лоскутков. Среди них сразу бросался в глаза тот самый сине-зелёный лоскут, который Марс так упорно пытался достать лапой. Всё дополнял крошечный передник — тоже лоскутный, будто собранный из обрывков того же самого мира. Полосатые чулки заканчивались мягкими домашними башмачками, а из небрежно собранного пучка во все стороны выбивались непослушные пряди.

Первым делом незнакомка торопливо оправила юбку, пригладила передник и только потом посмотрела на Галину.

Галина же, также молча смотрела на неё. Потом, не сводя взгляда с незнакомки, осторожно присела на широкий подлокотник кресла.

Так было... спокойнее.

Медленно сняла очки. Достала из очечника мягкую салфетку. Неторопливо протерла стекла.Снова надела.

Маленькая женщина никуда не исчезла.

Галина осторожно коснулась ладонью собственного лба. Температуры вроде не было. Незнакомка стояла молча, словно терпеливо ожидая окончания проверки.

— Не поможет, — негромко сказала она.

Галина подняла брови.

— Уже проверяли?

Маленькая женщина едва заметно пожала плечами.

— Проверяли. Очки ещё никого обратно не делали.

Повисла неловкая тишина.

— Либо я переутомилась, — негромко сказала она самой себе. - Либо кофе сегодня был какой-то особенно удачный.

Домовиха настороженно следила за каждым её движением.

Галина медленно вдохнула, досчитала про себя до четырёх, задержала дыхание и так же медленно выдохнула. Еще раз. Обычно это помогало привести мысли в порядок. Не сегодня.

Незнакомка по-прежнему стояла перед ней, терпеливо ожидая окончания этой странной проверки.

— Так... — тихо произнесла Галина, — Если после дыхательной гимнастики вы не исчезли, значит, придётся знакомиться. Хорошо... Тогда начнём сначала. Кто вы?

— Домовиха.

Галина несколько секунд молчала.

— В каком смысле?

— В самом домовихином.

— Домовая?

Маленькая женщина едва заметно нахмурилась.

— Домовиха.

Она произнесла это с таким видом, будто разница была совершенно очевидной.

— А ты ведь Галина? - спросила домовиха.

— Откуда вы знаете?

— Дом знаю. Хозяев знаю, - ответила она, и почти шепотом добавила - Это место знаю.

— Вы... давно здесь живёте?

— Давно.

— Но я вас никогда не видела.

— Не видела.

— Почему?

Домовиха словно прислушалась к самой себе.

— Так всегда было.

— А сегодня почему вижу?

Она на мгновение перевела взгляд на старую книгу, лежавшую на столике.

— Сегодня... по-другому.

Галина уже собиралась что-то спросить, когда за дверью послышалось осторожное **шурх... шурх...**

Она невольно повернула голову.

Домовиха тоже замерла.

— Он? — едва слышно спросила она.

— Марс, — кивнула Галина. — Наверное, вспомнил, что охота закончилась слишком рано.

За дверью снова тихонько поскреблись. Домовиха невольно попятилась на шаг.

— Не откроет?

— Нет.

Домовиха облегченно выдохнула.И только после этого разговор продолжился.

— Так как вас зовут?

Пауза.

Она чуть отвела взгляд.

— Не скажу.

— Почему?

— Засмеетесь.

Галина покачала головой.

— Я не смеюсь.

— Все смеются, – тихо ответила домовиха, и замолчала.

— Заплатка.

Галина несколько секунд молчала, обдумывая услышанное. Странное имя. Но оно удивило её куда меньше, чем всё остальное, произошедшее за последние полчаса.

— Красивое имя, — наконец сказала она.

Домовиха недоверчиво посмотрела на неё.

— Правда?

— Правда.

Та явно не поверила, но спорить не стала. За дверью снова тихонько поскреблись. Домовиха невольно вздрогнула, но на этот раз даже не обернулась. Она подошла к журнальному столику и, привычно ухватившись за край, легко забралась на него. Осторожно разгладила ладонью смятый уголок лежавшей рядом салфетки и только потом перевела взгляд на раскрытую книгу.

Галина уже собиралась что-то сказать, но взгляд сам собой упал на старую книгу. Она так и лежала раскрытой.На той самой странице.

Или...

Галина вдруг поняла, что совершенно не помнит, закрывала книгу или нет. Взгляд задержался на широком поле страницы. Показалось?

Нет.

Прямо у неё на глазах на бумаге медленно проступило слово — будто кто-то выводил его простым чёрным карандашом.

Наконец-то.

Галина замерла.

Она моргнула.

Чуть ниже появилась ещё одна строчка.
Свершилось.
Ещё одна.
Ключ найден.
— Заплатка...
Домовиха не ответила.
Она неотрывно смотрела на книгу.
Потом очень медленно перевела взгляд на Галину.
— Ты... тоже это видишь?

Глава 4

— Вижу.

Галина не сразу узнала собственный голос. Слишком спокойно он прозвучал для человека, который только что наблюдал, как на старой странице сами собой появились три карандашные строчки.

Заплатка по-прежнему стояла неподвижно. А вот Галина наконец отмерла. Она придвинула книгу ближе и наклонилась над страницей.

Наконец-то. Свершилось. Ключ найден.

Три короткие фразы. Никаких объяснений, что именно свершилось, какой ключ нашёлся и почему тот, кто оставил запись, решил сообщить об этом именно сейчас. Если вообще можно было сказать, что её кто-то оставил.

Эта мысль Галине не понравилась. Она провела пальцем рядом с записью, не касаясь букв. Карандаш выглядел свежим — серым, чуть неровным, словно человек писал второпях. Но ещё минуту назад здесь ничего не было.

И это Галина знала совершенно точно. Она всё-таки коснулась пальцем первой появившейся фразы. Палец остался чистым. Галина нахмурилась и повторила движение сильнее. Ни графитовой пыли, ни размазанной линии.

Обычный карандаш так себя не вёл. Впрочем, обычный карандаш и не писал сам по себе.

Галина перевернула страницу. Здесь всё было по-старому: печатный текст, потемневшие от времени поля, несколько карандашных пометок тем же быстрым почерком, который она уже успела заметить раньше. Ни одной новой строчки.

Она вернулась назад.

Три фразы остались на месте. Закрыла книгу, досчитала до пяти и снова открыла. Ничего не изменилось.

За окном привычно шумел город. Где-то во дворе хлопнула дверь машины, сверху коротко загудела вода в трубах. В кухне тихо работал холодильник. Все было до обидного обыкновенным, и от этого раскрытая на столе книга казалась еще более неуместной.

Галина поискала глазами ластик. Когда-то он точно лежал в керамической кружке вместе с ручками, карандашами и ножницами. Нашёлся на самом дне.

Заплатка проследила за её рукой.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

Этим словом Галина за последние несколько минут пользовалась уже не первый раз, но другого, более подходящего, всё равно не находилось.

Она осторожно коснулась ластиком крайнего слова. Сначала почти без нажима затем сильнее. На стол посыпались мелкие белые катышки. Бумага под пальцами стала чуть теплее от трения. Карандашная строка даже не посветлела.

Галина нахмурилась. Вот это ей уже не нравилось. Не потому, что было страшно. Страх пока вообще не успел определиться, нужен он здесь или нет. Просто нарушалось одно из простейших правил мира: карандаш можно стереть.

Если нельзя — значит, перед ней либо не карандаш, либо не совсем обычная бумага. Она ещё раз провела ластиком по строчке и наконец отложила его.

— Она тебя не слушается, — тихо сказала Заплатка.

Галина повернула голову.

— Кто?

Домовиха кивнула на стол.

— Книга.

Слово прозвучало настолько буднично, что смысл дошёл не сразу. Галина посмотрела на старый переплёт. До сегодняшнего вечера книга оставалась предметом. Странным, непонятным, явно не таким простым, каким показалась в ДК имени Крупской, но все-таки предметом.

А Заплатка только что сказала о ней так, будто та могла захотеть, отказаться, упрямиться.

— Почему ты решила, что она должна меня слушаться?

Заплатка пожала плечами.

— Не должна. Поэтому и не слушается.

Ответ был совершенно в её духе. Галина смахнула крошки ластика в ладонь и выбросила их в мусорную корзину. Спорить с подобной логикой было бессмысленно.

Однако появилась другая мысль.

— Ты её раньше видела?

Заплатка заметно насторожилась.

— Нет.

— Уверена?

Домовиха возмущенно выпрямилась.

— Если бы видела, сказала бы.

Это тоже было похоже на правду. Скрытностью Заплатка пока не отличалась. Скорее наоборот: за короткое время знакомства Галина уже успела заподозрить, что главным достоинством домовых дверей во все времена была возможность иногда закрываться перед слишком разговорчивыми соседями.

Она снова посмотрела на книгу.

— Тогда почему ты с самого начала её сторонишься?

Заплатка не ответила.

Из кухни донёсся лёгкий стук миски, а через несколько секунд в дверях появился Марс. Он остановился, увидел Заплатку и мгновенно подобрался. Хвост дернулся один раз. Домовиха заметила его тоже и без лишних слов отступила ближе к книге.

— Даже не думай, — сказала Галина коту.

Марс, разумеется, сделал вид, что вообще ни о чём не думал. Но взгляд с Заплатки не отвёл.

— Я не сторонилась, — наконец сказала Заплатка.

Галина посмотрела на неё.

Заплатка вздохнула.

— Хорошо. Сторонилась.

Дальше пришлось ждать. Галина умела ждать. За годы работы с людьми она давно выяснила: если человеку — или, как оказалось, не только человеку — дать несколько лишних секунд тишины, он нередко расскажет больше, чем после десятка вопросов.

Так вышло и сейчас. Заплатка подошла к краю стола, но книгу не тронула. Она объясняла неловко, перескакивая с одного на другое, и Галина не перебивала.

Саму книгу Домовиха прежде не видела. Но с того самого дня, когда Галина принесла её домой, в квартире что-то изменилось. Не похолодало, не зашумело, не стало темнее. Никаких удобных признаков, которые можно было бы измерить или хотя бы описать нормальными словами.

Просто появилось ожидание.

Заплатка долго подбирала сравнение и наконец сказала:

— Будто ждёшь кого-то, а он всё не идёт.

Галина поняла. Сначала занимаешься своими делами. Потом начинаешь различать шаги на лестничной площадке. Потом каждый шум лифта заставляет прислушаться.

А человек всё не приходит.

— И книга все это время кого-то ждала?

— Мне так казалось.

— Кого?

Заплатка покачала головой. Вот этого она не знала. И Галина почему-то поверила именно этому незнанию больше, чем поверила бы длинному объяснению о древних книгах и тайнах тонкого мира.

Домовиха не была проводником с готовыми ответами. Она просто чувствовала больше. Временами, не всегда. Возможно, в этом было даже удобство.

Галина откинулась на спинку стула и потянулась за чашкой. Чай уже давно остыл. Конечно, стоило в квартире завестись говорящей — или пока только пишущей — книгой, как обычные бытовые неудобства никуда не исчезли.

Она сделала глоток и поморщилась. В этот момент на странице что-то изменилось. Галина сначала решила, что виноват свет от лампы.

На нижнем поле появилась тонкая серая чёрточка. Заплатка заметила движение почти одновременно и отступила на полшага. Галина ничего не сказала. В этот раз ей хотелось увидеть весь процесс.

Серая линия удлинилась. Рядом появилась еще одна. Потом короткий штрих.

Это были цифры.

47.

И точка.

На этом всё прекратилось. Обе еще немного подождали, но страница больше не менялась.

Галина первой нарушила тишину:

— Сорок семь.

Заплатка осторожно приблизилась.

— Я вижу.

Это могло быть что угодно: год, возраст,номер дома, квартиры. Вариантов было много. Но книга лежала перед ними, а потому самое простое объяснение напрашивалось само. Галина начала перелистывать страницы.

Она не торопилась. Не потому, что боялась найти что-то ещё. Скорее наоборот — торопливость сейчас раздражала бы её сильнее любой мистики.

Страница сорок семь ничем особенным не выделялась.

Печатный текст. Потемневший край. След старого сгиба возле верхнего угла. Галина уже решила, что гипотеза оказалась слишком простой, когда заметила едва различимые серые штрихи у самого переплета.

Она придвинула лампу ближе. Вот это было уже другое. Не те аккуратные строки, которые появились сегодня. Старый карандаш.

Живой человеческий почерк — быстрый, немного тесный, с привычными сокращениями. Человек явно писал для себя и не предполагал, что через сто с лишним лет чужая женщина будет разбирать его буквы под настольной лампой.

Галина осторожно раздвинула страницы. Запись уместилась всего в несколько строк:

Дворцовая наб., д. 16. Парадная лестница. Рисунок В. К. Взял на три дня. Вернуть.

Ниже стояла дата - 1914 год.

И всё. Без объяснений, без эффектного «ищи там, где…». Просто напоминание человека, который когда-то взял у кого-то рисунок и собирался вернуть через три дня.

Галина перечитала запись. Вот это ей нравилось куда больше. Не в смысле происходящего вообще — с этим еще предстояло разбираться. Но почерк человека, жившего больше века назад, был понятнее загадок, которые появлялись сами собой.

Кто-то был на Дворцовой набережной. Кто-то видел парадную лестницу. И этот кто-то взял рисунок у человека с инициалами В. К., и не вычеркнул слово «вернуть».

Галина привыкла к заметкам именно такого рода. Позвонить, проверить, забрать, не забыть. Только её собственные напоминания жили в телефоне и редко переживали неделю.

Это пролежало больше ста лет. Она уже хотела ещё раз внимательно рассмотреть почерк, когда заметила, что Заплатка изменилась.

Домовиха больше не держалась на расстоянии. Она подошла почти вплотную к книге и смотрела не на дату, не на инициалы и даже не на слово «вернуть».

На адрес.

— Что? — спросила Галина.

Заплатка не ответила.

Её обычная подвижность куда-то исчезла. Даже руки она больше не теребила.

Галина подождала.

— Шестнадцатый, — наконец произнесла Заплатка.

Не спросила. Она как будто вспомнила этот адрес дома.

Галина снова посмотрела на первую строку.

— Ты знаешь этот дом?

Глава 5

— Я знала ту, которая там жила.

Это уже меняло дело. Не настолько, чтобы Галина перестала замечать прочие детали, но достаточно, чтобы отложить вопрос об инициалах.

Заплатка назвала имя не сразу.

Кромка.

Галина машинально отметила про себя, что у домових, похоже, существовала какая-то своя система имён. Заплатка. Кромка. Если дальше обнаружатся Бахрома и Штопка, удивляться она уже не станет.

Кромка была старой знакомой Заплатки. Не близкой подругой в человеческом смысле — Домовиха вообще несколько путалась, когда пыталась объяснить степень их отношений. Они виделись время от времени, иногда навещали друг друга, иногда подолгу не встречались.

Кромка жила в доме на Дворцовой, и очень им гордилась. Заплатка вспоминала об этом почти с раздражением. Кромка могла без конца рассказывать про лестницу, высокие комнаты, двери, которые каждый хозяин пытался переделать на свой вкус, и про то, что настоящий дом всё равно всегда помнит, каким был раньше.

— Она говорила, что люди меняются чаще обоев, — вспомнила Заплатка.

Галина улыбнулась. Фраза ей понравилась.

— Разумная девушка.

— Домовиха.

— Тем более.

Но дальше история становилась менее забавной. После войны Кромка изменилась. Галина не сразу поняла, о какой именно войне идет речь. Для Заплатки человеческая привычка раскладывать прошлое по датам вообще имела мало смысла. Она помнила не годы, а события: ту зиму, когда долго не было еды; время, когда окна стояли пустыми; лето, когда снова начали чинить крыши.

Постепенно картина всё же сложилась. После блокады и окончания войны Кромка ещё появлялась. Сначала как раньше, потом стала появляться реже. Она жаловалась на дом.Не на людей, не на ремонт, не на шум.Именно на дом.

Галина слушала, не перебивая. Здесь вопросы только мешали. Кромка говорила, что узнаёт комнаты. Узнаёт стены. Узнаёт свою лестницу. А дом — нет.

В первый раз Заплатка решила, что та просто сердится на очередную перестройку. Домовые, судя по всему, вообще плохо относились к ремонту, особенно если их мнение заранее не спрашивали.Но Кромка повторяла одно и то же - снаружи её дома больше нет. А потом перестала приходить совсем.

Заплатка однажды попыталась добраться до неё — и не нашла. Не нашла дом. Это прозвучало настолько нелепо, что Галина чуть было не переспросила. Но удержалась.

Для человека дом — стены, адрес, запись на карте. Для Заплатки, очевидно, нет. Стены могли остаться, а дом исчезнуть. И именно рядом с адресом на пожелтевшей странице неизвестный человек больше ста лет назад написал:

Парадная лестница.

Галина снова посмотрела на запись. Совпадение всё ещё оставалось возможным. Ей нравилась эта версия. Совпадения недооценивали исключительно потому, что они плохо смотрелись в красивых историях. В жизни же они встречались постоянно. Но проверять их всё равно следовало.

Галина взяла телефон и открыла в нем приложение с картой Петербурга. Поиск занял меньше минуты.Дворцовая набережная, дом 16.

Такого не было. Карты показывали дом номер 12-16.

Она медленно перечитала адрес. Заплатка подошла ближе. Галина открыла фотографию здания.

Длинный фасад. Ровный строй окон. Ничего похожего на отдельный дом номер шестнадцать с первого взгляда действительно не обнаруживалось.

Заплатка долго смотрела на экран. Её лицо постепенно становилось растерянным.

— Это он? Адрес тот.

— Нет.

— Что «нет»?

— Это не её дом.

Галина повернула телефон к себе. Она не собиралась спорить. Пока ей самой было совершенно непонятно, на что именно она смотрит.

Отдельного шестнадцатого номера на фотографии словно действительно не существовало. И вот это уже можно было проверить. Не магией не ощущениями Домовихи.

А нормальным, привычным способом. Найти старые планы. Посмотреть фотографии. Почитать историю здания, сравнить. менно от этой мысли Галина неожиданно успокоилась.

С книгой, которая сама дописывает страницы, она пока ничего сделать не могла. С историей петербургского дома — могла. Она вернулась к старой записи.

1914 год.

Рисунок В. К. Взял на три дня. Вернуть.

Вот только теперь появились две разные загадки. Первая - была человеческой. Кто такой В. К.? Что это за рисунок? Почему человек, писавший заметки, так и не вернул его?

Вторая - принадлежала Заплатке. Что произошло с Кромкой после того, как её дом словно исчез, хотя продолжал стоять на Дворцовой набережной?

Галина не любила делать выводы раньше времени. И поэтому не стала соединять эти две истории только потому, что они встретились на одной странице.

Пока общего между ними был лишь адрес, и лестница. Этого было мало для выводов, но для начала — вполне достаточно.

Она закрыла книгу, подождала пару секунд и снова открыла страницу сорок семь.

Старая запись осталась. Галина почему-то ожидала именно этого.

Заплатка стояла рядом и смотрела на адрес.Будто спустя много лет наконец увидела имя человека, которого давно считала пропавшим.

— Ты думаешь, Кромка там? — спросила она.

Галина посмотрела на неё. Можно было обнадежить и сказать «возможно», или придумать ещё десяток правильных и совершенно бесполезных фраз. Она не стала.

— Я думаю, сначала надо выяснить, что случилось с домом.

Заплатка немного помолчала и кивнула.

Галина ещё раз провела пальцем по полю рядом со старой записью. Чужой карандаш. Чужое обещание. Три дня, растянувшиеся больше чем на век.

Утром у неё была просто старая книга, случайно купленная среди других книг. Теперь появился адрес, некто с инициалами В. К., рисунок, который не вернули. И домовиха, однажды потерявшая собственный дом. Для одного вечера более чем достаточно.

— Ну что, Заплатка, — сказала Галина, закрывая книгу. — Завтра посмотрим, куда делся шестнадцатый дом.

И только после этих слов она заметила, что впервые сказала «мы» про себя и Домовиху совершенно естественно.

Глава 6

Утром Галина обнаружила, что Заплатка настроена решительно.

Домовиха уже сидела возле ноутбука и терпеливо ждала, пока хозяйка допьёт чай. Правда, терпения хватило ненадолго.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты обещала дом искать.

— Я помню. Только сначала позавтракаю.

— Ты уже позавтракала.

— Тогда поработаю.

Заплатка посмотрела на неё с таким возмущением, будто Галина предложила отложить поиски до следующего года.

— Недолго, — добавила Галина. — У меня тоже есть обязательства перед людьми.

С обязательствами Заплатка спорить не стала, хотя всем своим видом показывала, что пропавший дом значительно важнее любой человеческой работы.

Через час Галина наконец открыла вчерашние закладки.

Для начала она изменила поисковый запрос. Вместо современного адреса ввела старый: «Дворцовая набережная, дом 16». Добавила слова «до войны». Результатов оказалось неожиданно много. Сначала попадались современные фотографии здания, статьи о набережной, объявления и даже сведения об организациях, расположенных по этому адресу. Затем Галина нашла старый снимок.

Дом выглядел совсем иначе. Она открыла рядом вчерашнюю фотографию длинного современного фасада и позвала Заплатку.

— Смотри. Этот?

Домовиха подошла ближе, внимательно изучила изображение.

— Похож.

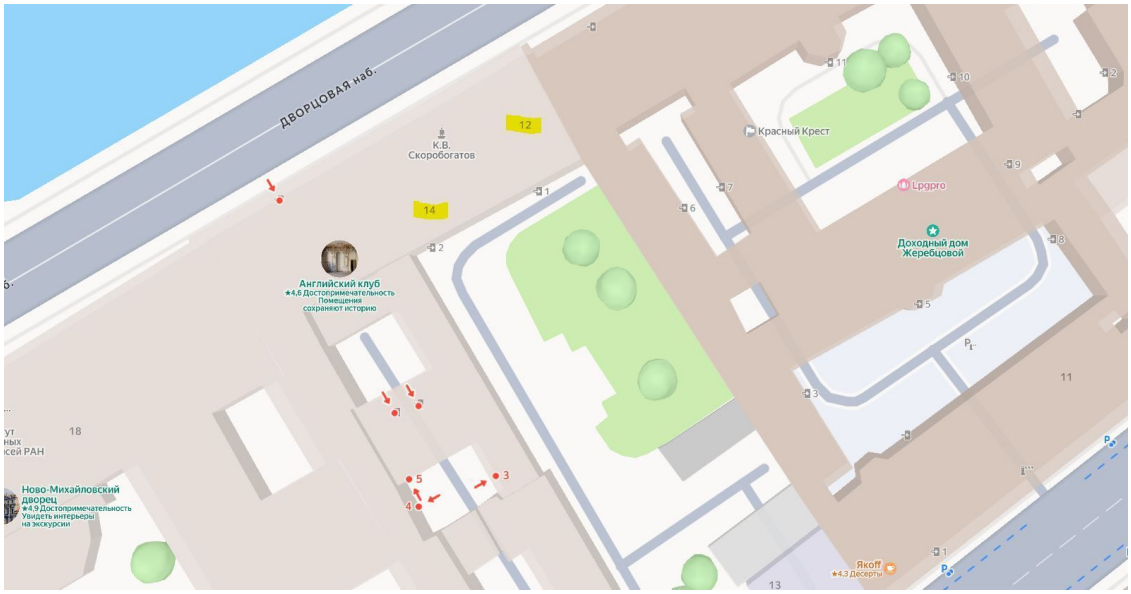
— Похож или он?

— Я не считала у него окна каждый раз, когда приходила.

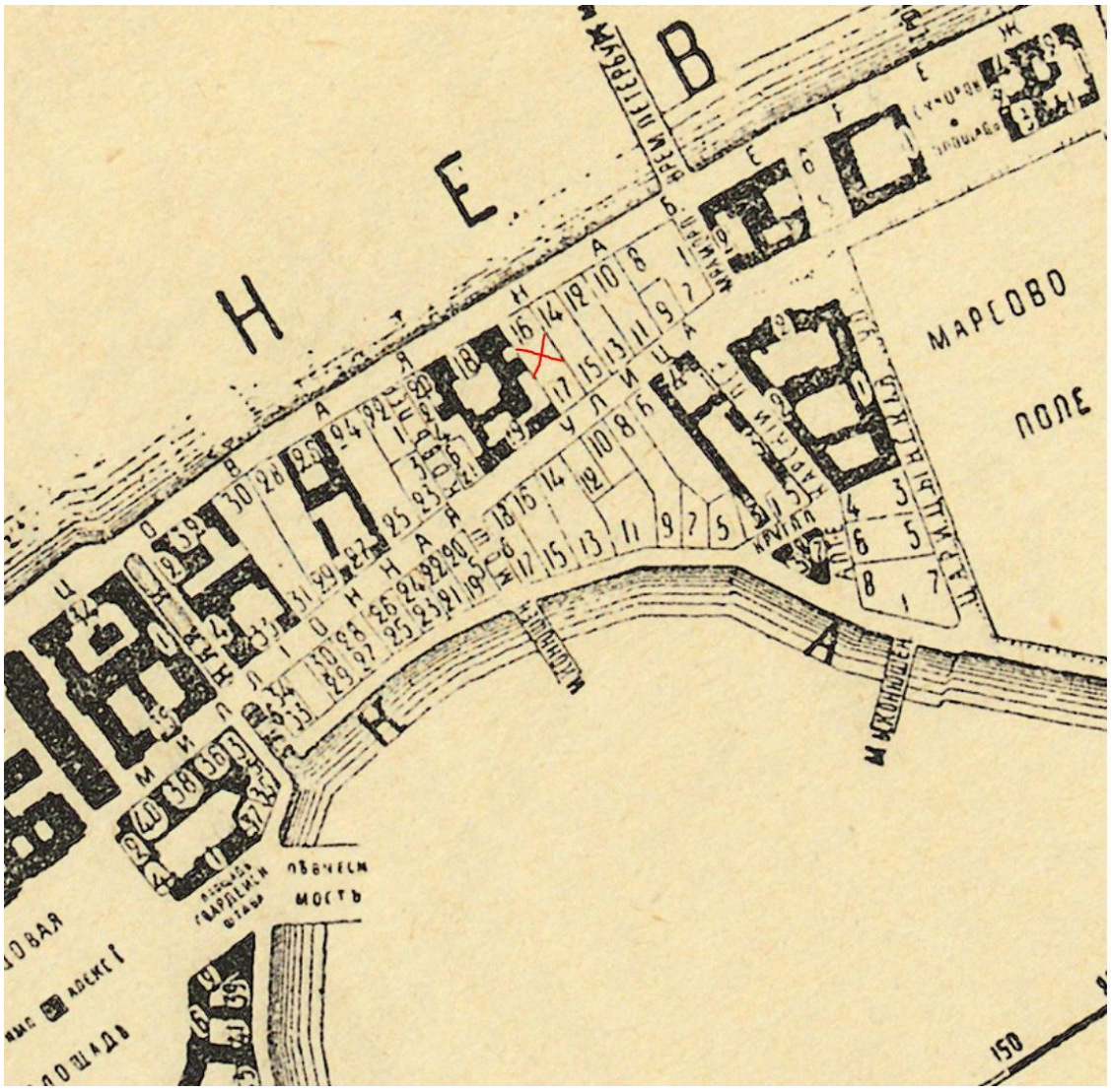
— Жаль.

Галина сохранила фотографию и вернулась к поиску. Теперь её интересовали старые планы набережной.

На современной карте все выглядело просто: длинное здание под общим номером двенадцать — шестнадцать.



На старых планах участки имели отдельные границы. А исторические фотографии подтверждали, что когда-то здесь действительно стояли три самостоятельных особняка.



Шестнадцатый был одним из них.

— Значит, никуда он не делся, — заметила Галина.

— Делся.

— Заплатка, вот фотография.

— Я вижу.

— И адрес тот же.

— А дома нет.

Галина остановилась. Спорить с существом, для которого стены и дом явно означали разные вещи, было бесполезно. К тому же она пока не выяснила, что именно произошло со зданием. Поэтому вернулась к поиску.

Любопытная особа. Признаться, я начинаю думать, что с новой хозяйкой мне повезло.

Не прошло и нескольких дней, а она уже разложила вокруг меня какие-то карты, рассматривает старые фотографии и, кажется, намерена провести настоящее расследование. Приятно оказаться в обществе человека, который способен интересоваться чем-нибудь помимо собственных повседневных забот.

Хотя, насколько я успел заметить, забот у неё хватает.

А ещё эта рыжая малышка. Необыкновенное создание! Сначала я принял её за ребёнка. Очень маленького ребёнка, что само по себе выглядело довольно странно. Но после вчерашней беготни по комнате и её разговоров с хозяйкой пришлось отказаться от первоначального предположения.

Кто она такая, хотелось бы знать?

И почему её совершенно не удивляет, что женщина разговаривает с ней как с равной?

Впрочем, чему я удивляюсь? В этом доме даже кот ведёт себя так, словно всё происходящее исключительно его заслуга.

Кстати, о коте. Надеюсь, он больше не вздумает использовать стол в качестве прогулочной площадки. Последний раз его хвост прошел в опасной близости от моей страницы. Не хотелось бы оказаться на полу из-за восьми килограммов самоуверенности.

История особняка оказалась длинной. Первое каменное здание появилось здесь ещё в первой половине восемнадцатого века. Потом его неоднократно перестраивали, расширяли, меняли внутреннюю планировку. Среди владельцев встречались фамилии Ушаковых, Чернышевых, Салтыковых, Радзивиллов.

Галина привычно открывала новые вкладки, сверяла сведения и выписывала заинтересовавшие её даты. Через некоторое время на экране выстроилась целая история смены хозяев. Одни владели домом десятилетиями. Другие успевали прожить совсем недолго. Особняк продавали, передавали по наследству, приспосабливали под новые нужды.

К концу девятнадцатого века здание заняло Английское собрание — один из старейших петербургских клубов. Несмотря на название, клуб давно уже не имел отношения исключительно к англичанам. Его история начиналась ещё во времена Екатерины Второй. За прошедшие годы он не раз менял адреса, правила и состав участников. Здесь собирались состоятельные петербуржцы, читали газеты, обедали, играли в карты и обсуждали новости. Клуб славился своими обедами и библиотекой. Женщин в собрание не допускали.

— Это почему ещё? — возмутилась Заплатка, услышав последнюю подробность.

— Такие были правила.

— Глупые правила.

— Возможно.

— А готовил им кто?

Галина посмотрела на домовиху.

— Полагаю, повара.

— Мужики?

— Не знаю, Заплатка. Не уточняла.

— Вот и надо уточнить. Небось, сами себе напридумывали правил, а потом мучились.

Галина усмехнулась, ее заинтересовало другое. В 1914 году Английское собрание всё ещё занимало особняк. Она придвинула старую книгу и открыла сорок седьмую страницу.

"Парадная лестница. Рисунок В. К. Взял на три дня. Вернуть."

Получалось, когда появилась карандашная запись, по лестнице ходили члены клуба, его служащие и гости. Но кто именно сделал рисунок? И кто собирался его вернуть?

Галина ещё раз посмотрела на инициалы. В Петербурге начала двадцатого века людей с такими инициалами наверняка было несколько тысяч. Искать наугад не имело смысла. В первую очередь надо было разобраться с самой лестницей.

Она вернулась к статье и открыла раздел со старыми фотографиями. Гостиная с высокими потолками. Стены, украшенные картинами. Большой зал. Еще несколько интерьеров, назначение которых по фотографиям определить было трудно.И наконец лестница.

— Заплатка., посмотри пожалуйста.

Домовиха уже заглядывала через её плечо.

На черно-белой фотографии широкие каменные ступени поднимались к площадке, плавно поворачивали и продолжались вдоль стены. Массивные ажурные перила были украшены сложным растительным орнаментом. Слева возвышались огромные арочные окна, а справа виднелись декоративные панели и лепнина. Галина увеличила изображение.

Подпись гласила: «Парадная лестница. 1914 год».
— Она,точно она — тихо сказала Заплатка.
На этот раз никаких сомнений не было.
— Кромка здесь бывала?

— Конечно. Любила это место.Отсюда всех видно. Особенно если сидеть наверху. Кто пришёл, кто ушёл, кто опять обувь не вытер…

— И Кромка за всеми наблюдала?

— А что такого? Надо же знать, кто в доме ходит.

Галина представила маленькую домовиху, устроившуюся где-нибудь за узорчатыми перилами и с важным видом следящую за посетителями Английского клуба.

— Любопытная была?

Заплатка лишь фыркнула в ответ.

Галина вернулась к фотографии. На дальнем повороте лестницы тень сгущалась возле стены. За перилами образовывалось небольшое пространство, почти неразличимое на старом снимке.

— А где она жила?

— Кромка? В доме.

— Это я уже поняла. Где именно?

Заплатка задумалась.

— По-разному. Когда я к ней приходила, она чаще всего была наверху. Там, за лестницей, было тихое местечко.

— За лестницей?

— Ну да.

— А вход туда был?

— Конечно.

— Где?

— Не помню. Я же не думала, что придётся через столько лет тебе все объяснять по фотографии.

С этим спорить тоже было трудно. Галина сохранила снимок и записала название источника. Потом открыла следующую статью, посвященную уже послевоенной истории здания. И здесь обнаружилось самое интересное.

Во время войны один из соседних домов серьезно пострадал. После ее окончания три отдельных здания объединили общим фасадом. Старые особняки перестали восприниматься как самостоятельные архитектурные объекты.

Галина снова открыла фотографии. Вот дом номер шестнадцать в 1914 году. Отдельный трехэтажный особняк с характерным входом и балконом.

Вот современное здание. Длинный трехэтажный фасад, объединявший бывшие дома двенадцать, четырнадцать и шестнадцать.

Она несколько раз переключилась между снимками.Если знать, что искать, прежний дом можно было различить. Сохранились отдельные линии и расположение некоторых окон. Но балкон исчез, верхняя часть фасада изменилась, а всё здание приобрело совершенно другой облик.

Для случайного прохожего особняка номер шестнадцать больше не существовало.

— Кажется, я поняла, о чём говорила Кромка.

Заплатка придвинулась ближе.

— Она ведь жаловалась, что узнает стены и лестницу, но не узнает дом?

— Ну.

— Снаружи его полностью переделали. Понимаешь? Не снесли, а объединили с соседними зданиями.

— Я тебе про это и говорила.

— Ты говорила, что дом исчез.

— А он что сделал?

Галина задумалась. С человеческой точки зрения особняк продолжал существовать. Пусть в измененном виде, с другой планировкой и под общим номером. Внутри даже сохранились старые помещения.

Но что это означало для домовихи?

Возможно, для нее дом определялся вовсе не адресом и не количеством стен. Если люди могли узнать прежнее здание по старому фундаменту и остаткам интерьеров, то обитатели тонкого мира воспринимали его как-то иначе. Только вот как именно, Заплатка объяснить не могла.

— Смотри, — сказала Галина. — Здесь написано, что парадная лестница сохранилась.

Она открыла описание нынешнего состояния здания. Среди исторических интерьеров действительно упоминалась та самая лестница, которую они только что рассматривали на фотографии.

— Значит, Кромка не ошибалась. Стены остались. Лестница осталась. А снаружи дом стал другим.

Заплатка кивнула.

— Он перестал быть своим, — сказала она после небольшой паузы.

Галина посмотрела на домовиху.

— Что значит «своим»?

— Ну… своим. Разве у тебя никогда такого не было? Приходишь туда, где раньше хорошо было, а там вроде все на месте, только больше не хочется оставаться.

Галина задумала. Да, такое действительно бывало. Старые квартиры после ремонта, знакомые дворы, из которых исчезли деревья, дома, где давно жили другие люди. Но человек мог привыкнуть к переменам. Или уйти и больше не возвращаться.

А что происходило с домовихой, если дом переставал её признавать?

— Заплатка, а Кромка могла переселиться?

— Куда?

— В другой дом.

Домовиха посмотрела на нее так, будто вопрос был совершенно нелепым.

— Это же ее дом.

— Но если он изменился…

— Он все равно ее.

Галина вздохнула. Похоже, домовихи были куда более привязаны к своему жилью, чем люди. Она вернулась к фотографии лестницы.

Если Кромка действительно исчезла после изменения здания, первое, что следовало сделать, — попробовать попасть внутрь и посмотреть, что сохранилось.

Но для этого надо было выяснить, кто сейчас занимает помещения, можно ли туда попасть и на каких условиях.

Галина открыла новую вкладку. Информации оказалось немного. Некоторые помещения использовались учреждениями и организациями. Часть исторических интерьеров находилась в закрытой для свободного посещения зоне. Просто прийти с улицы и прогуляться по старой лестнице, скорее всего, не получится.

— Придётся узнавать, — сказала она.

— У кого?

— У тех, кто там сейчас работает.

— А если не пустят?

— Тогда будем искать другой способ. Законный, — добавила она, заметив, как оживилась Заплатка.

Домовиха недовольно поджала губы. Очевидно, слово «законный» заметно ограничивало её представления о возможных способах проникновения в старый дом.

Галина записала адрес и сохранила несколько ссылок. Заодно сделала пометку найти планы внутренней перестройки здания. На столе постепенно собирались материалы: фотографии, выписанные даты, старые карты, современные изображения. Теперь у неё было хотя бы направление. Однако оставалась вторая загадка. Рисунок.

Она положила книгу рядом с ноутбуком и ещё раз прочитала запись. “Рисунок В. К. Взял на три дня”. Получалось, кто-то взял рисунок лестницы и собирался вернуть его. Но кому? И почему так и не вернул?

Галина попробовала рассмотреть почерк внимательнее. Карандашные буквы за сто с лишним лет немного побледнели, но читались достаточно хорошо. Она наклонила страницу к свету. У самого переплета бумага лежала неровно. Сначала Галина решила, что это обычная складка старого листа. Потом заметила тонкую полоску, отличающуюся по цвету. Она осторожно провела пальцем вдоль корешка. Полоска не исчезла.

Тогда Галина раздвинула страницы. Из глубины переплёта выглядывал край сложенной бумаги.

Галина посмотрела на домовиху, которая от нетерпения уже успела трижды переступить с ноги на ногу.

— Заплатка, ты не видела мой пинцет? Не могу найти его.

Домовиха полезла в один из кармашков своего фартука и достала оттуда пинцет.

Галина молча посмотрела на знакомый инструмент.

— А он у тебя откуда?

— Лежал без дела. Заплатка!

— Что? Я же не выбросила. Вот он!

Галина забрала пинцет и решила пока не выяснять, что еще хранится в многочисленных карманах ее фартука.

Она осторожно подцепила край листа. Бумага сопротивлялась. Пришлось придержать книгу одной рукой, а другой понемногу вытягивать находку. Марс, до этого мирно дремавший на стуле, решил выяснить, чем занята хозяйка.

На стол опустилась тяжёлая пушистая лапа.

—Только не сейчас, — строго сказала Галина.

Кот посмотрел на нее с недоумением.

— Марс, уйди.

Он неторопливо убрал лапу и сел, обернув хвост вокруг передних лап. Всем своим видом показывая, что совершенно не понимает, почему его не допускают к столь интересному занятию.

На этот раз Заплатка даже не обернулась.

Наконец небольшой пожелтевший лист оказался на столе.Он был сложен несколько раз.

— Что там? — не выдержала она.

— Сейчас посмотрим.

Галина аккуратно развернула листок. Внутри оказался карандашный рисунок, на котором была нарисована та самая лестница. Широкие ступени, поворот, высокие арочные окна. Перила с причудливыми завитками, в которых можно было различить листья и цветы.

Рисунок был сделан быстрыми уверенными штрихами. Художник не старался тщательно прорисовывать каждую деталь, но хорошо передал общую форму лестницы и сложный узор ограждения.

Галина придвинула ноутбук ближе и открыла старую фотографию. Совпадение было очевидным.

— Похоже, нашли.

Заплатка забралась на край книги и принялась разглядывать рисунок.

— Она самая.

— Видишь, перила?

— Вижу.

— И окна такие же.

— Я же сказала, что она.

Галина не стала спорить. Она осторожно разгладила угол листа. Внизу виднелись буквы, написанные тем же карандашом, что и сам рисунок.

Первые две удалось прочитать сразу. “В. К.”. Дальше шла неразборчивая подпись. Часть букв стерлась на сгибе.

— Вот тебе и загадочный художник, — пробормотала Галина.

— Нашла?

— Инициалы совпадают с записью в книге. А фамилию пока не могу разобрать.

— Может, потом разберешь.

— Может.

Она взяла телефон и сделала несколько фотографий подписи при разном освещении. Увеличила изображение. Попыталась рассмотреть последние буквы, но это не помогло. Пока можно было утверждать только одно: рисунок действительно относился к той самой лестнице, которую они искали.

Но почему он оказался в книге?

Галина внимательно осмотрела старый лист. На обороте ничего не было. Ни даты, ни адреса, ни дополнительных пометок.Она положила рисунок рядом с фотографией, и только теперь заметила одну странность.

На фотографии лестница была снята снизу. Художник же выбрал точку немного выше, ближе к повороту. Поэтому пространство за перилами просматривалось гораздо лучше.

Возле стены виднелась небольшая ниша или проход. На рисунке она была обозначена несколькими темными штрихами.

На фотографии это место почти полностью скрывала тень.

— Заплатка, смотри.

Домовиха наклонилась к листу.

— Что?

— Вот здесь. Это проход?

— Похоже.

— Ты там бывала?

— Не помню.Это было почти сто лет назад.

Галина посмотрела на неё.

— Справедливо.

Она вернулась к изображению. Художник явно хотел показать не только ступени и красивые перила. Он старательно обозначил часть пространства за поворотом лестницы, хотя остальные детали набросал довольно бегло. Хотя, возможно, он просто выбрал такой ракурс.

Галина пока не собиралась придавать этому особого значения.

Постойте… Что это она достала?

Рисунок? Откуда он здесь? Любопытно. Весьма любопытно.

Широкие ступени. Высокие окна. Эти перила с бесконечными завитками… Где же я их видел? Нет, определённо видел. И не на фотографии.

Странное ощущение. Словно стоишь перед знакомой дверью и никак не можешь вспомнить, что находится за ней.

А ведь когда-то я знал. Кажется, знал.

Или мне только хочется так думать?

Признаться, за последнее время я привык к тому, что многое осталось в прошлом. К тому же человеческая память — вещь ненадежная даже при самых благоприятных обстоятельствах. А мои обстоятельства, согласитесь, трудно назвать благоприятными.

Но этот рисунок…

Почему мне кажется, что его не должно быть здесь?

_____

Галина тем временем принялась рассматривать саму бумагу.

Лист был тонким, пожелтевшим, с едва заметными следами старых сгибов. Никакого водяного знака она не обнаружила. Бумага походила на обычную рисовальную, хотя судить об этом наверняка она не могла.Судя по размерам, лист сложили специально, чтобы он поместился между страницами книги.

Но не вложили, как обычную закладку, а задвинули глубоко к корешку. Случайно так сделать было трудно. Галина снова посмотрела на запись: “Взял на три дня.Вернуть.”

Кто-то собирался вернуть рисунок. Это было совершенно ясно. Но вместо этого сложил его и спрятал в книге.

Или рисунок спрятал уже другой человек?

Она задумчиво постучала пальцем по столу.

— Заплатка, а у вас принято прятать вещи в книгах?

— Смотря какие вещи.

— Бумаги, например.

— А зачем?

— Чтобы никто не нашёл.

— Тогда лучше под половицу.

— Спасибо. Учту.

Домовиха еще раз посмотрела на рисунок.

— А может, он его не прятал?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… положил, чтобы не потерять. А потом забыл.

Галина задумалась. Такое было вполне возможно. Люди забывали в книгах деньги, письма, билеты, записки и даже документы. Почему бы не забыть рисунок?

Только одно обстоятельство не давало ей покоя.

Человек, оставивший карандашную заметку, специально написал себе напоминание вернуть рисунок. И при этом спрятал его так, что обнаружить удалось лишь спустя больше века. Впрочем, возможно, он и сам не заметил, как лист съехал к переплету.

Галина осторожно вложила находку в чистую бумажную папку.

— Будем разбираться.

— А Кромка? — напомнила Заплатка.

— Про Кромку я не забыла.

Она снова открыла фотографию современного здания.

— Теперь нам нужно попасть внутрь. Посмотреть на лестницу и выяснить, что изменилось после войны.

— Когда пойдём?

— Сначала узнаем, можно ли туда попасть.

— А потом?

— Потом решим.

Заплатка явно осталась недовольна отсутствием конкретного плана.

Галина закрыла лишние вкладки, оставив фотографии дома, лестницы и несколько страниц с историческими сведениями. За одно утро удалось узнать немало.

Дом номер шестнадцать действительно существовал отдельно от соседних особняков. Во время войны и последующей реконструкции его внешний облик изменился настолько, что Кромка перестала узнавать собственное жилище. При этом внутри сохранилась лестница, которую домовиха хорошо помнила.

А в старой книге обнаружился ее рисунок, сделанный больше ста лет назад и почему-то так и не возвращенный владельцу.

Две загадки по-прежнему оставались разными.

Одна начиналась с карандашной записи 1914 года, другая — с исчезновения Кромки после войны. Между ними пока не было ничего общего, кроме дома и лестницы.

Галина посмотрела на Заплатку.

— Знаешь, что меня больше всего удивляет?

— Что?

— Ты столько лет не могла найти Кромкин дом. А он все это время стоял на прежнем месте.

Заплатка ничего не ответила. Она смотрела на фотографию лестницы.

— Вот только я не знаю, — сказала домовиха наконец, — узнает ли она его теперь.

— Кто?

— Кромка.

Галина повернулась к ней.

— Ты думаешь, она все-таки там?

— Не знаю.

Это прозвучало непривычно тихо.

Галина снова посмотрела на старую фотографию. Огромные арочные окна, широкая лестница, узорчатые перила. Все это сохранилось, несмотря на смену хозяев, революцию, войну и многочисленные перестройки. Интересно, сколько людей прошло по этим ступеням за три столетия? И сколько историй они могли бы рассказать, если бы умели говорить?

Она усмехнулась собственным мыслям. После знакомства с Заплаткой предположение о говорящей лестнице уже не казалось настолько невероятным, как следовало бы.

— Ладно, — сказала Галина, закрывая ноутбук. — Теперь надо выяснить, как попасть в Английский клуб.

— В клуб? — оживилась Заплатка. — А нас пустят?

— Надеюсь. Правда, клуба там давно нет.
— А лестница есть?
— Есть.
— Тогда какая разница?
Галина подумала, что в этом Заплатка, пожалуй, права.

Глава 7

Нужное объявление нашлось не сразу. По одному номеру не ответили, по другому предложили посмотреть расписание. Галина посмотрела, ничего не поняла и позвонила ещё раз. На этот раз ей объяснили, где собирается группа и можно ли будет задержаться возле лестницы.

— Мне нужно сравнить её со старым рисунком, — сказала она. — Несколько минут, если это возможно.

Заплатка кивнула так уверенно, словно возможность зависела от неё.

Договорившись, Галина положила телефон.

— Завтра утром. Идём с экскурсией.

— А сами нельзя?

— Сначала нужно попасть внутрь.

— Мы бы постучали.

— Вот я и постучала. По телефону.

Домовиха посмотрела на него с новым интересом, но спорить не стала.

Рисунок Галина ещё раз сфотографировала при хорошем свете. На экране были отчётливо видны окна, поворот лестницы и тёмная полоса сбоку от площадки. Она увеличила снимок. Полоса распалась на несколько неровных штрихов: кажется, художник обозначил там дверь. Подробностями он себя не утруждал. Всё внимание досталось перилам и растительному узору.

Галина сохранила увеличенный фрагмент вместе с остальными фотографиями, решив не брать старый рисунок с собой. За один день ему и так досталось больше внимания, чем, вероятно, за последние несколько десятилетий.

Утром возникло затруднение, которого при составлении планов она не учла.

Заплатка стояла в прихожей рядом с сумкой и смотрела на неё с явным неодобрением.

— Я не картошка.

— Я заметила.

— И не кошка.

Марс, сидевший у входной двери, повернул голову.

— Марс тоже в эту сумку не поместится, — согласилась Галина. — А ты поместишься. Доедем, найдём спокойное место, и вылезешь.

— Там темно.

Галина отогнула широкий край.

— Так лучше?

Заплатка придирчиво заглянула внутрь. На дне лежал сложенный мягкий шарф. Домовиха потрогала его, оглянулась на кота и наконец забралась в сумку. Устроилась, вытянула полосатые ноги и подтянула шарф себе под спину.

— Только не раскачивай.

— Постараюсь.

Галина надела куртку и наклонилась за сумкой. Марс немедленно сунул нос под отогнутый край.

Изнутри раздалось возмущённое шипение.

Марс отпрянул, сел и тут же принялся усердно вылизывать переднюю лапу. На сумку он больше не смотрел.

— Вот и договорились, — сказала Галина. — Ты остаёшься за старшего. Цветы не трогать.

Марс проводил её до порога.

Дверь закрылась. Судя по приготовлениям, прогулка предстояла любопытная. Пришлось, однако, остаться на столе. Кот тоже остался, но он, по крайней мере, мог пройтись по квартире. Я охотно поменялся бы с ним местами. Хотя бы ненадолго.

На набережной дуло. Галина застегнула куртку до самого верха и переложила сумку в другую руку. Из-под отогнутого края высунулась рыжая макушка.

— Пригнись, — тихо сказала Галина.— Я только посмотрю.— Погоди, люди идут.

Макушка скрылась в сумке. Несколько человек уже ждали у места встречи. Женщина в сером берете листала что-то в телефоне, мужчина рядом с ней держал два бумажных стаканчика. От кофе пахло так хорошо, что Галина пожалела о собственной торопливости. Дома она успела сделать всего несколько глотков.

Экскурсовод пришла с небольшой папкой под мышкой. Представилась Ириной, сверилась со списком и попросила всех держаться вместе во дворе.

Галина назвала себя. Ирина кивнула:

— Это Вы про рисунок спрашивали? Посмотрите, конечно. Только далеко от группы не уходите. Здесь живут люди.

— Хорошо.

Они прошли под аркой. Уличный шум сразу стал глуше. Где-то наверху хлопнула форточка, по двору прокатился короткий звон. Заплатка заворочалась.

— Я сама пойду, — прошептала она.

— Подожди немного.

Галина замедлила шаг, пропуская вперёд женщину с телефоном. Потом подхватила сумку обеими руками. Заплатка, похоже, решила, что до места осталось совсем недалеко, и пыталась встать.

На лестнице пахло прохладным камнем и краской. Пока экскурсанты разглядывали арочные окна, Галина отошла к стене, поставила сумку на пол и присела рядом, заслонив её собой.

Сначала показались пальцы, потом макушка. Заплатка выбралась, расправила юбку и огляделась. Галина дождалась, когда все поднимутся выше, и лишь потом выпрямилась.

— Эта, — выдохнула она.

Галина посмотрела на лестницу. Широкие ступени, поворот, окна над площадкой. На рисунке всё казалось теснее. Или художник стоял ближе.

Она открыла фотографию и подняла телефон, стараясь найти тот же угол.

Заплатка уже поднималась. Мягкие башмачки почти не стучали по камню. Возле поворота она остановилась и провела ладонью по нижнему завитку перил.

Галина заметила, как у неё расправились плечи. Значит, действительно узнала.

От группы донёсся вопрос, следом — ответ Ирины. Галина услышала отдельные слова, но не стала вслушиваться. Сейчас ей хотелось успеть рассмотреть площадку, пока никто не заслонял окна.

У боковой стены стоял складной стул. Над ним была ровная светлая поверхность, ничем не отличавшаяся от остальной стены.

Галина увеличила фотографию рисунка. Дверь приходилась примерно на это место. Впрочем, она могла ошибиться. Несколько карандашных линий ещё не делали её специалистом по старым планировкам.

Сверху послышались шаги. Заплатка вскинула голову и исчезла. Галина даже не успела моргнуть- только что ладонь Заплатки лежала на завитке, а теперь перила были пусты.

На площадку спустилась Ирина. Галина отвела взгляд от перил и повернула к ней экран телефона.

— Здесь раньше был проход?

Та посмотрела на экран, потом на стену.

— Возможно. Точно не скажу. Здесь много переделывали. Вы мне потом пришлите снимок, я спрошу.

— Спасибо.

Группа двинулась дальше. Галина осталась у окна, пропуская остальных.

— Я вас здесь подожду, можно? Хотела ещё лестницу снять.

— Можно. Мы вернёмся тем же путём.

Ирина ушла следом за последним посетителем. Галина снова посмотрела на перила. Заплатка стояла на той же ступеньке и держалась за тот же завиток.

Заплатка обошла стул, присела и заглянула под него.

— Ты что-нибудь помнишь? — тихо спросила Галина.

— Пока нет.

Домовиха выпрямилась, потерла нос и отошла к перилам.

Галина убрала телефон. Постояла, глядя на стену, потом коснулась её пальцами. Холодная краска, небольшая неровность под ладонью. Никакой двери.

За спиной что-то тихо звякнуло.

Она обернулась. Заплатка стояла на прежнем месте. Снизу доносились шаги, наверху продолжала говорить Ирина.

— Что это было?

— Где?

— Здесь, рядом.

Заплатка прислушалась. Звук повторился. Короткий, тонкий. Так иногда звякает ложечка о край пустой чашки. Теперь домовиха тоже повернула голову к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.